

ПОЛИТИКА КИТАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Чувиллов И. А., Малевич Ю. И., Белорусский государственный университет, e-mail: chuvilovi@mail.ru, malejill@rambler.ru
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье дается оценка форм и методов осуществления политики Китая в сфере безопасности в Юго-Восточной Азии (ЮВА) на современном этапе. Отмечается, что Китай, ранее не имевший возможности предъявить сколь-нибудь серьезных притязаний на регион ЮВА, в нынешних условиях стремится к доминированию в нем, включая сферу безопасности.

Ключевые слова: Китай; Юго-Восточная Азия; политика безопасности; международные отношения.

Китай — мощнейшее государство в АТР, процесс его возвышения, начавшийся в 1949 г. после провозглашения Китайской Народной Республики, вышел на финальную стадию после вступления в ВТО в 2001 г. [1].

Еще в 1951 г. Чжоу Энъяй сказал: «Острова в Южно-китайском море испокон веков являлись частью китайской территории». Данное высказывание символизировало начало китайского возвращения в регион после долгого периода рецессии [2]. Руководство коммунистического Китая стремилось доктринально заявить, что страна намерена вернуть себе былую силу и престиж, утраченные в годы Второй мировой войны. Акватория Южно-Китайского моря рассматривалась (и рассматривается по сей день) как территория, где доминирование Китая должно быть безусловным. Руководители КНР настойчиво и осторожно продолжают искать возможности для восстановления «Большого Китая» (под этим традиционно понимается экономическая, культурная и историческая целостность исторического Китая со странами-сателлитами), восстановления китайских позиций в ЮВА, утраченных в колониальный период.

При Цзян Цзэмине и в начальный период правления Ху Цзиньтао страна перешла к политике интеграции и партнерского сотрудничества, чтобы с помощью своего экономического веса установить доминирование над государствами региона и интегрировать их в структуры, создаваемые под эгидой Китая. Так, в 2007 г. КНР стала государством-членом программы «АСЕАН плюс три», усилив воздействие на экономические и политические процессы, происходящие в субрегионе ЮВА.

Однако к концу того же 2007 г. стало ясно, что экономическая интеграция не принесла желаемых результатов, что вынудило китайское руководство снова вернуться к политике силового давления на соседние государства (особенно ярко это сказалось на обострении противостояния в Южно-Китайском море). В рамках так называемого проекта «Большого Меконга» КНР выстроила эффективную систему политических и экономических контактов с Таиландом, Вьетнамом, Камбоджой, Лаосом и Мьянмой. В настоящее время она стремится сформировать жизнеспособное сотрудничество в сфере безопасности.

В начале XXI в. было объявлено об успешном завершении третьего этапа модернизации страны, включая сферу армейского строительства. Социалистическое планирование с «китайской спецификой» в очередной раз принесло впечатляющие успехи, которые позволили сформу-

лизовать новую — во многом агрессивную — наступательную политику КНР. Основные ее составляющие: укрепление боевой части армии, дальнейшее углубление модернизации и существенное перевооружение НОАК, ВВС, ВМС. Эти установки были негативно восприняты США, что, по сути, привело к гонке вооружений в регионе. В Пекине процесс усиления КНР рассматривается как необходимое дополнение к «мирным инициативам» в политической и экономической сферах. При этом увеличение военной составляющей в региональной политике стало чрезвычайно заметным в последние годы, когда была возобновлена политика силового натиска на филиппинские и вьетнамские границы в спорных районах Южно-Китайского моря.

Одним из первых пробных действий для международного признания и обоснования притязаний Китая на ЮКМ и прилегающие к нему острова можно считать карту, которую представители Поднебесной отправили в специальном письме, направленным в мае 2009 г. Генсеку ООН Пан Ги Муну [2]. В том же году Пекин запретил ловлю рыбы в спорных водах ЮКМ, а китайские военнослужащие с целью преподать урок своим соседям захватили 22 рыболовных судна, принадлежащих Вьетнаму, которые отказались соблюдать данный запрет. Подобные случаи фиксировались неоднократно.

Председатель Си Цзиньпин и его правительство показывают готовность к большей, чем у предшествующих лидеров, активности и «жесткости» внешнеполитического курса, к увеличению диапазона и более прагматичному использованию инструментов внешней политики страны. Ян Цзечи часто употреблял в своих высказываниях понятие «нижняя черта» при декларации решимости Китая защищать свои законные интересы. Показательно и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода». В данной ситуации отчетливо просматривается доктринальное изменение подхода КНР к проблеме нивелирования разногласий с рядом соседних государств об установлении четко зафиксированной границы. В начале XXI в. эта тема не подвергалась обсуждению, но теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 8 государствами по морю и с 14 по суше, имеются «споры о суверенитете» с 10 государствами. Нередко положение о приверженности Китая «защите суверенитета и территориальной целостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения страны в сильную морскую державу».

В то же время глобальный характер деятельности КНР на международной арене не отменяет, а, скорее, даже подчеркивает приоритетность для Пекина тех или иных конкретных географических направлений его внешней политики. В этом плане одним из основных приоритетов для КНР остается Северо-Восточная Азия. Здесь находится Япония — по сути дела, основной соперник Китая за лидерство в субрегионе. Сюда повернута своим тихоокеанским фасадом Российская Федерация, стремящаяся укрепить позиции в АТР в целом и в первую очередь в Восточной Азии.

Отношения Китая с сопредельными государствами в предшествующие XIX съезду КПК годы выявили множество проблем, создали еще невиданную «внешнюю угрозу безопасности» для Китая. Ряд аналитиков предполагает, что «отношения с сопредельными странами явятся

в будущем самой насущной проблемой для безопасности Китая». Эта неотложная проблема, которую должен решить Китай, стала одной из основных причин корректировки «дипломатии добрососедства» и военной стратегии Китая после «рабочего совещания по дипломатической работе с сопредельными странами», состоявшегося в октябре 2013 г.

К слабостям вооруженных сил Китая относятся факторы организации и поддержания боевого духа, они недостаточно понимаются теми, кто реально контролирует артиллерию и флот. КНР — единственная великая держава, армия которой не является официальным государственным институтом. Она входит в сферу ответственности Коммунистической партии и находится под управлением Центральной военной комиссии КПК, а не Министерства обороны. Хотя партия и правительство в Китае представляют собой уникально дееспособный «социалистический симбиоз», за пределами страны с трудом понимают, где находятся верные партии люди и каковы главные предпочтения военных руководителей КНР.

В настоящее время военная мощь Китая сконцентрирована прежде всего на решении проблем внутренней безопасности и обеспечении планов доминирования в морских районах в пределах АТР, а именно в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, вблизи от морской границы самого Китая. Для осуществления этой задачи до 2020 г. НОАК должна стать самой мощной армией Азии, а для того, чтобы к 2050 г. достичь уровня мощнейших армий мира, Китай должен быстро осуществить военную модернизацию, и в этом — главная причина корректировки стратегии военной безопасности в современных международных условиях.

Корректировка стратегии военной безопасности помогает КНР осуществлять противоправные «благоприятные» и «эффективные» действия в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Сооружение искусственных островов, строительство объектов военного назначения на островах Южно-Китайского моря, милитаризация отрядов из десятков тысяч рыболовных судов, ввод буровых установок в ИЭЗ Вьетнама, односторонние приказы о запрете ловли рыбы в морских водах других стран, создание помех для свободного судоходства кораблям других стран — все это является нарушением международного права согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Указанные действия ведут к эскалации напряженности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и даже могут привести к серьезным конфликтам между Китаем и странами-участницами двух и многосторонних территориальных споров. Это наносит ущерб региональной и международной безопасности.

Основные корректировки Китаем стратегии военной безопасности, угрожающие Вьетнаму, следующие: во-первых, курс на усиление авиации и флота; во-вторых, способы и средства ее реализации — преимущественно в направлении моря, т. е. курс, определяемый как «строительством морской державы». Цель этих действий — перенести центр тяжести морской тактики КНР с «обороны в открытом море» на «защиту на океанах», чтобы отражать «все угрозы правам и интересам судоходства Китая». Это усилило опасность установления негласного контроля Китая над ЮКМ, даже возможность, пусть умеренного, но все-таки серьезного конфликта между Китаем и Вьетнамом в споре за принадлеж-

ность островов в ЮКМ. Меняются представления и взгляды относительно военной безопасности Вьетнама. Он осознает, что в нынешней обстановке следует заново оценить «друзей соседей» с учетом изменения их стратегии военной безопасности. Вьетнам вынужден усиливать оборонный потенциал посредством заключения контрактов о покупке оружия и военной техники. Расширяется военное сотрудничество СРВ со странами АСЕАН и с США. Вьетнам также осознает, что оборона должна служить национально государственным интересам, национальный суверенитет — превыше всего, остальное — это иллюзии [3].

Амбиции КНР обладать монополией на решения в регионе ЮКМ вызвали стремление всех вьетнамцев как в стране, так и за ее пределами, в едином порыве поддерживать борьбу в защиту суверенитета и территориальной целостности. Это — сила солидарности, сила национальной памяти, которая способна одержать победу над самым современным оружием. Вместе с народом руководители партии и правительства Вьетнама осознают простую истину — во имя интересов нации и корпораций северный сосед готов похоронить более двадцати лет нормализации отношений. Ради «глобальных целей» они используют ЮКМ — единственный проход в океаны, во имя того, чтобы стать хозяином региона, а не во имя искренней дружбы между народами двух соседних стран.

АСЕАН — ведущая интеграционная структура в ЮВА. Одним из его столпов является Сообщество политики и безопасности (СБА). Как говорилось при планировании его создания в 2004 г., СБА должно было усилить способность государств АСЕАН противостоять традиционным и нетрадиционным угрозам. Оно также должно было укрепить их отношения с партнерами по диалогу и другими дружественными странами. СБА — это не военный союз и не система коллективной безопасности. Оно не предполагает создания ни военной организации, ни каких либо совместных вооруженных сил, и в его нормативных актах нет ничего подобного ст. 5 Североатлантического договора. Члены Сообщества связаны лишь обязательством не применять силу в отношении друг друга, рассматривать свою безопасность в неразрывной связи с безопасностью других членов и как часть общей безопасности региона, руководствоваться единой оценкой ситуации и вытекающими из нее задачами. В АСЕАН это называют «взаимозависимостью безопасности», или «системой совместной безопасности». Это форма сотрудничества государств, чья национальная безопасность настолько взаимозависима, что ее невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, и когда национальные интересы в сфере обороны и безопасности каждой от дельно взятой страны зависят от того, что произойдет со всей группой стран. И Китаю приходится иметь дело не просто с отдельными государствами региона, но и зачастую с их коалицией в лице данного сообщества.

Принимая во внимание идеи в области систем безопасности и методов и перспектив их обеспечения, высказанные на XIX съезде КПК в ходе доклада Си Цзиньпина и выступлений других лидеров государства, представляются наиболее значимыми следующие факторы: регион Южно-китайского моря по-прежнему будет оставаться одной из самых активных точек интереса КНР с позиции обеспечения энергетической, инфраструктурной и военной безопасности; страны-участники

проекта «Большой Меконг», объединив усилия в рамках стратегии АСЕАН, смогут снизить уровень влияния КНР в регионе; страны АСЕАН создав «систему совместной безопасности», подчиненную национальным интересам и экономической безопасности своего региона, будут в краткосрочной перспективе, представлять для Китая новый вызов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. China under Jiang Zemin [Electronic resource] // Facts and details. — Mode of access: <http://factsanddetails.com/china/cat2/sub7/item76.html>. — Date of access: 12.02.2018.
2. China-Southeast Asia relations [Electronic resource] // ChinaFile. — Mode of access: <http://www.chinafile.com/keyword/china-southeast-asia-relations>. — Date of access: 12.02.2018.
3. While courting China, Vietnam prepares for a future South China Sea crisis [Electronic resource] // World politics review. — 2016. — Mode of access: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/19978/while-courting-china-vietnam-prepares-for-a-future-south-china-sea-crisis>. — Date of access: 12.02.2018.

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ВЕНЕСУЭЛО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI в.

Юруть М. Г., Чесновский М. Э., Белорусский государственный университет, e-mail: margarita.yurut@gmail.com, m.chasnouski@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается ретроспектива и современные основы венесуэло-китайского стратегического партнерства. Сближение Венесуэлы и Китая предопределили схожие взгляды их руководства на мировую политику. Боливарианская внешняя политика основана на практически тех же универсальных принципах, которые определяют внешнюю политику Китая, выделяя такие, как взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и невмешательство во внутренние дела. Оба государства идеологически консолидируют цели неприятия империализма, гегемонизма и колониализма, стремление способствовать миру во всем мире как высшей ценности и стимулирование многополярности как правильного пути к международному равновесию и развитию. Однако построение стратегического альянса обоих государств не всегда основывается на этих факторах.

Ключевые слова: венесуэло-китайские отношения; стратегическое партнерство; дипломатическая солидарность; идеологическая консолидация; модель социализма; ослабление «левого поворота».

Решение установить дипломатические отношения на уровне послов между Венесуэлой и КНР было принято 28 июня 1974 г. после достижения соглашения по проблеме Тайваня [1, р. 195]. Однако вплоть до начала XXI в. венесуэло-китайские отношения были сдержанными, обрета динамику лишь после прихода к власти Уго Чавеса. В 2001 г. оба государства объявили о «стратегическом партнерстве», подписав соответствующее соглашение. Это событие произошло в рамках официального визита тогдашнего президента Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя в Каракас 15 апреля 2001 г. [2, р. 13]

24 мая 2001 г. на встрече в Пекине президенты Уго Чавес и Цзян Цзэминь подписали закон о создании совместной комиссии высокого уровня Венесуэлы и Китая (далее именуемая «Совместная венесуэло-китайская комиссия»). Этот закон реорганизовал и адаптировал старые «Рамочные соглашения», которыми регулировались двусторонние проекты. Со стороны Венесуэлы Совместную венесуэло-китайскую комиссию возглавило Министерство планирования и развития, со сторо-